

УДК 94(47).084.2.

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733

Оригинальное исследование

Солдаты в общественно-политической жизни Воронежа весной и летом 1917 г.

Назаренко Е.Ю.

Воронежский областной краеведческий музей,
Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Плехановская, 29
E-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе проводится анализ социальной и политической активности солдат Воронежского гарнизона весной и летом 1917 года. Одним из устойчивых трендов, проявившихся на всем протяжении означенного периода, был неостановимый рост антивоенных настроений в среде солдат, постоянно находившихся под угрозой перемещения из тыловых частей на фронты Первой мировой войны. Этот фактор оказывал решающее влияние на их политическую активность. В целом можно констатировать, что начиная с рубежа мая и июня в солдатской массе росли симпатии к большевикам. Этот процесс был прерван городскими властями в июле 1917 г., когда значительная часть солдат-большевиков была отправлена в зону боевых действий. Однако ситуация изменилась в августе, когда в Воронеже оказались переброшенные из Сибири солдаты-пулеметчики, которые в массе своей симпатизировали большевистским идеям. Другим важным фактором общественной жизни Воронежа было антисоциальное поведение значительных групп солдат, нередко проявлявшееся в преступной деятельности. Эта проблема была предметом безуспешных забот гражданских и военных руководителей города.

Ключевые слова: революция, солдаты, Воронежский гарнизон, Первая мировая война, дезертиры, большевизм

Для цитирования: Назаренко Е.Ю. 2023. Солдаты в общественно-политической жизни Воронежа весной и летом 1917 г. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 724–733. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733.

Soldiers in the Social and Political Life of Voronezh in the Spring and Summer of 1917

Yevgenii Yu. Nazarenko

Voronezh Regional museum of Local Lore,
29 Plekhanovskaya St., Voronezh 394036, Russia
E-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

Abstract. This paper analyzes the social and political activity of the Voronezh garrison soldiers in the spring and summer of 1917. One of the steady trends that emerged throughout the period was the unstoppable growth of anti-war sentiments among soldiers, who were constantly under threat of being moved from the rear to the fronts of World War I. This factor had a decisive influence on their political activity. In general, it can be stated that, starting from the turn of May and June, sympathy for the Bolsheviks was growing among the soldier masses. This process was interrupted by the city authorities in July 1917, when a significant number of Bolshevik soldiers were sent to the war zone. However, the situation changed in August, when machine-gun soldiers who had been transferred from Siberia and were massively sympathetic to Bolshevik ideas found themselves in Voronezh. Another important factor in the social life of Voronezh was the anti-social behavior of significant groups of soldiers, often manifested in criminal activity. This problem was the subject of unsuccessful concerns of the city's civilian and military leaders.

Keywords: revolution, soldiers, Voronezh garrison, World War I, deserters, Bolshevism

For citation: Nazarenko Ye.Yu. 2023. Soldiers in the Social and Political Life of Voronezh in the Spring and Summer of 1917. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 724–733 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733

Введение

На протяжении 1917 г. солдаты играли важную роль в ходе политического процесса в России. Такому ходу дел способствовала многочисленность этой социальной группы. Солдат, призванных под ружье во время массовых мобилизаций 1914–1916 гг., отправляли не только на фронты Первой Мировой войны, но и в тыловые части. В результате к началу 1917 г. в Центральной России, по подсчетам историка Л.С. Протасова, было около 1,5 млн военнослужащих [Протасов, 1978, с. 16].

Ход революции 1917 г. не в последнюю очередь зависел от особенностей массовой психологии солдат. Существует представление о том, что, поскольку основная часть бойцов русской армии происходила из крестьян, им была свойственна характерная для русского земледельческого сословия патерналистская этика. На наш взгляд, эту позицию следует принять с существенными оговорками. Во-первых, крестьяне среди солдат гарнизонов Центральной России не составляли подавляющего большинства: по подсчетам Л.С. Протасова, из служивших в пехоте к земледельческому сословию было приписано 54,23 %, из кавалеристов – 56,16 % и из артиллеристов – 53,12 % [Протасов, 1978, с. 22].

Во-вторых, говорить о социальных этических нормах в их чистом виде имеет смысл лишь в тех случаях, когда сохраняются традиционные социальные структуры. Массовая армия и институт тотальных мобилизаций формировали новый тип общественных связей, в которые было вовлечено несколько миллионов человек. Благодаря этим обстоятельствам значительные массы людей пережили процесс падения прежних авторитетов, который начался еще до революции и ускорился после свержения в России монархии. В настоящей работе мы намерены сконцентрироваться на рассмотрении вопросов, связанных с социальным поведением солдат и их участием в общественно-политической жизни в Воронеже весной и летом 1917 г.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является социальная активность солдат Воронежского гарнизона с марта по август 1917 г. В основу исследования положены историко-социологический, социально-психологический, микроисторический методы. Историко-социологический метод связан с анализом настроений и действий особой социальной группы, коей являлись солдаты российской армии. Социально-психологический метод проявился в анализе особенностей коллективной психологии, свойственной солдатам и проявлявшейся в их деятельности. Наконец, микроисторический подход связан с тем, что исследование ограничено весьма узкими географическими рамками – территорией города Воронежа и его ближайших окрестностей.

Результаты и их обсуждение

Накануне революции в 123-тысячном городе было от 10 до 30 тысяч военнослужащих [Протасов, 1978, с. 21]. Бойцы расквартированных в Воронеже 58 и 59 пехотных полков в феврале 1917 г. в своей массе перешли на сторону восставших. Когда успех Петроградского восстания еще не казался предопределенным, в Воронеже был создан отряд во главе с поручиком Морозовым для подавления революционных выступлений, однако вошедшие в него солдаты отказались подчиняться командованию и облачились в красные банты в знак солидарности с революцией [Воронежский телеграф..., № 54]. Во многом благодаря этому смена власти в Воронеже в начале марта 1917 г. свершилась мирно.

После победы революции у солдат Воронежского гарнизона возобладало лояльное отношение к новым властям города в лице Исполнительного комитета общественного спокойствия (ИКОС). Воронежские руководители, в свою очередь, небезосновательно считали солдат одной из опор своей легитимности, что проявилось в проводимых в городе символических акциях. 5 марта представители ИКОС и местного самоуправления провели возле стен Митрофанова монастыря торжественную церемонию приветствия местных воинских частей [Воронежский телеграф..., № 52]. 15 марта в Воронеже, как и в других российских городах, был устроен «великий праздник ... русской революции», завершившийся торжественными похоронами ее жертв. Солдаты Воронежского гарнизона промаршировали через всю Большую Дворянскую улицу к кадетскому плацу, неся перед собой знамена, на одном из которых был начертан лозунг «Свобода, работа и победа» [Воронежский телеграф..., № 60].

Воронежские власти рассчитывали на помощь солдат в борьбе с преступностью, что было обусловлено вакуумом силовых структур, образовавшимся после разгона полиции и жандармского управления. В марте 1917 г. некоторые армейские части были направлены на подмогу милиции, наряду с добровольцами неся караульную службу в городе [Заяц, 2017, с. 184]. В одной из заметок газеты «Воронежский телеграф» такие солдаты назывались «солдатами-милиционерами» [Воронежский телеграф..., № 71].

Вместе с тем уже в марте 1917 г. в деятельности солдат проявилась склонность к бытовому насилию. Прибывшие в Воронеж 7 000 новобранцев громили вагоны поездов и самовольно отлучались в свои дома. В ответ на эти действия начальник воронежского гарнизона полковник В.Д. Языков издал приказ, предписывавший «из казарм в город этих новобранцев не увольнять, покуда они не освоят основ дисциплины», а «всех шатающихся по городу возвращать по месту их расквартирования» [Воронежский телеграф..., № 63]. О проблемах солдат с дисциплиной свидетельствует листовка исполкома Воронежского Совета от 6 марта 1917 г., в которой содержались призывы к «товарищам солдатам» «сохранять полное спокойствие, порядок и дисциплину» [Листовка Исполнительного Комитета..., Д. 3208-1].

К апрелю 1917 г. дисциплина окончательно разладилась в 58 и 59 пехотных полках. Согласно бюллетеням ИКОС, жизнь этих полков сопровождали «беспорядки, пьянство, буйства и ранения» [Сводный бюллетень № 43..., Д. 3204-45]. После предпринятой солдатами 20 апреля попытки разоружения конной милиции было решено отказаться от их услуг в деле охраны общественного порядка [Сводный бюллетень № 40..., Д. 3204-41].

Весной 1917 г. проявились связи солдат с криминальным миром. Об участниках грабежей и разбойных нападений, одетых в солдатскую форму, неоднократно сообщалось в воронежской прессе [Воронежский телеграф..., № 93]. Согласно воспоминаниям И.М. Жмыхова, криминальными связями особенно отличались солдаты Дисциплинарного батальона, которых мемуарист характеризовал как «бунташный анархический элемент» [Воспоминания И.М. Жмыхова..., Д. 607. Л. 7]. Этот батальон был сформирован из дезертиров и уголовников и дислоцировался в слободе Придача.

Весной 1917 г. среди солдат стали проявляться и оппозиционные настроения. Особенно острым для них был вопрос продолжения войны. В мае антивоенные настроения усилились, о чем свидетельствует рост числа дезертирств: в Воронеже даже создавались специальные команды для поимки бежавших со службы солдат на станциях Юго-Восточной железной дороги [Воронежский телеграф..., № 101]. Антимилитаристские настроения проявлялись и на митингах. Большевик И.А. Чуев вспоминал, как в мае 1917 г. на воронежской улице «с одного ярого оборонца, весьма прилично одетого господина, сняли его штатское пальто и под общие одобрительные возгласы накинули ему на плечи солдатскую шинель: хочешь воевать – на тебе шинель и иди на фронт!» [Чуев, 1957, с. 17].

Антивоенные настроения среди солдат способствовали росту популярности большевиков в этой среде. Поначалу симпатиями бойцов почти безраздельно владели эсеры, а в воронежском гарнизоне даже не было социал-демократической ячейки [Протасов, 1978, с. 55]. Однако перспективы продолжения военных действий заставляли их все более внима-

тельно прислушиваться к спикерам РСДРП(б). Эти тенденции усилились после того, как в Воронеже побывал кронштадтский матрос-большевик Есин. Он выступил на двух воронежских митингах, прошедших 25 и 28 мая (7 и 10 июня по н. ст.) 1917 г. [Лавыгин, 1928, с. 49–50]. Матрос-кронштадтец призывал к немедленному прекращению военных действий и к борьбе за передачу всей полноты власти Советам [Октябрьская революция..., б. г., с. 55].

Семена, посеянные выступлениями Есина, взорвались уже в июне. 7 июня 1917 г. на станции Воронеж-II состоялись проводы маршевых рот на фронт, во время которых выступал молодой большевик А.Ю. Кольнер, призвавший к скорейшему прекращению войны. Затем помощник начальника станции Гоголевский обратился к солдатам (по версии Кольнера, в резкой форме прервав его выступление [Воронежский телеграф..., № 123]) и произнес «противоположную речь», в которой доказывал необходимость продолжения боевых действий. Своими высказываниями Гоголевский разъярил бойцов – они напали на него и избили. С многочисленными травмами помощник начальника станции был увезен в больницу [Воронежский телеграф..., № 120].

Как утверждал мемуарист Н.Н. Рабичев, после инцидента на станции Воронеж-II руководство Воронежского гарнизона запретило большевистскую агитацию в казармах, что является свидетельством их возросшей силы [Рабичев, 1934, с. 20]. Однако было бы преувеличением утверждать, что большевики прочно овладели симпатиями солдат. Н.Н. Рабичев писал об одном из заседаний исполкома воронежского Совета, которое состоялось в июне 1917 г. Выступавший на нем поручик Минин клеймил большевиков, утверждая, что они «провокаторы, шпионы, на немецкие деньги срывают наступление 18 июня» и пр. Затем слово взяли большевики Врачев, Люблин и Комиссаров, которые переломили ситуацию: теперь «те самые солдаты, которые 10 минут назад готовы были на нас кинуться с кулаками, после нашего выступления были очень не прочь обратить свои кулаки против поручика Минина, против кадетов, а заодно и против меньшевиков» [Рабичев, 1934, с. 31]. Этот случай свидетельствует не столько о популярности большевиков, сколько о переменчивости настроений солдатской массы.

Солдаты, как и прежде, являлись угрозой общественному порядку из-за своего недисциплинированного поведения. Сообщения об их деяниях в июне 1917 г. продолжали печататься в газетах, из которых можно было узнать о грабежах, осуществленных солдатом М. Белогуровым по кличке Огурец [Воронежский телеграф..., № 139]; о солдате Шалаеве, укравшем у своего сослуживца кошелек [Воронежский телеграф..., № 143]; и пр. Впрочем, не менее опасным для общественного порядка было спорадически проявлявшееся у обитателей казарм желание вершить правосудие, пренебрегая законными процедурами. Так, в середине июня 1917 г. они хотели устроить самосуд над пойманным ими вором, в связи с чем пытались вырвать его из рук милиционеров. Последним «с большим трудом удалось уговорить солдат отказаться от кровавой расправы...» [Воронежский телеграф..., № 126].

Эта тенденция усилилась в июле, приведя воронежское общество к полноценному политическому кризису. Согласно приведенным В.Э. Моциэнком сведениям, в июле резко выросло число дезертирств. Всего за месяц из рядов 8-й пехотной запасной дивизии (куда входили полки Воронежского гарнизона) дезертировало 748 солдат, что значительно превышало более ранние показатели [Моциэнк, 2010, с. 42]. Неслучайно, что именно в июле 1917 г. военная секция Совета начала уговаривать солдат (без особого, впрочем, успеха) служить «честно, аккуратно и без промедлений» [Лавыгин, 1928, с. 60–61].

В сложившихся условиях некоторые солдаты стремились оказывать непосредственное влияние на работу органов власти. Об этом свидетельствует постановление Воронежского Совета от 3 июля 1917 г., в котором констатировалось, что «в последнее время среди товарищей солдат возникают массовые волнения». Советские лидеры сетовали, что «товарищи солдаты ... устраивают групповые митинги возле дома Народных Организаций, заходят в помещение толпами и тем совершенно мешают плодотворной работе Совета и военной секции». Руководителей Совета беспокоило и то, что «собирающаяся толпа

позволяет себе угрожающие выкрики и производит насилия и избиения неугодных ей лиц» [Листовка Исполнительного Комитета..., Д. 3208-1]. В связи с этим они пытались уговорить солдат делать обращения в Совет не напрямую, а через полковые и командные комитеты. Этот эпизод показывает, что никаких способов воздействия на солдатскую массу, кроме увещаний, у исполкома воронежского Совета не было.

Несмотря на некоторый рост популярности большевиков в гарнизоне, солдаты, как и прежде, в большей степени симпатизировали эсерам. По некоторым сведениям, влияние большевиков на воронежских солдат даже снизилось после Петроградского восстания 3–5 июля 1917 г. и последовавшей затем в прессе кампании по дискредитации РСДРП(б) [Воронежский телеграф..., № 145]. В связи с этим исследователь Л.С. Протасов считал, что рост числа дезертирств нельзя связывать с большевистским влиянием [Протасов, 1978, с. 81].

Вероятно, политических сил, успешно использовавших в июле 1917 г. всплеск социального недовольства солдат, не было вовсе: можно говорить о падении в Воронежском гарнизоне влияния всех политических сил. О справедливости такого предположения свидетельствуют результаты прошедших в начале июля выборов военной секции Воронежского Совета. Эсеры, рассчитывавшие на большинство, получили всего около трети мест. На этих же выборах большевики, как утверждалось в заметке «Воронежского телеграфа», потерпели «безусловный крах». Большинство избранных делегатов были беспартийными [Воронежский телеграф..., № 147].

Таким образом, солдатская масса в целом оказалась вне контроля и официальных органов власти, и руководителей гарнизона, и политических партий. Состояние аномии способствовало росту преступности. Июльские полосы «Воронежского телеграфа» пестрели сообщениями о деяниях дезертиров, наводивших страх на мирных обывателей. О состоянии общественного мнения красноречиво свидетельствуют ходившие по городу слухи, согласно которым дезертиры готовы объединиться со сбежавшими из тюрем уголовниками для разгрома воронежского Совета [Воронежский телеграф..., № 145].

В преступной деятельности были замечены солдаты, не только самовольно покинувшие службу, но и продолжавшие находиться в частях Воронежского гарнизона. В первой половине июля своими деяниями прославился солдат по фамилии Контрим, рецидивист с дореволюционным стажем. 4 июля между ним и его старым знакомым, бывшим полицейским Сысоевым (продолжавшим службу в сыскной милиции) произошел конфликт. В тот же день Контрим пришел во главе толпы солдат к зданию сыскной милиции, настоятельно требуя арестовать Сысоева. Задержав вместо него помощника начальника сыскной милиции Рынкевича, солдаты отправили своего узника сначала в Дом народных организаций, а затем в тюрьму [Воронежский телеграф..., № 144]. Милиция ничего не смогла противопоставить вооруженной толпе.

Контрим со своими подельниками промышляли грабежами, в связи с чем вступили в конфликт с воронежской боевой рабочей дружиной – пролетарским отрядом, занятым охраной общественного порядка в городе. 9 июля между членами «банды Контрима» и дружинниками в Городском саду произошла перестрелка, в ходе которой был убит начальник дружины С.И. Сазонов и ранены три бойца этого подразделения. Злоумышленникам удалось скрыться, и лишь 14 июля Контрим был задержан в результате облавы [Заяц, 2017, с. 201].

Многочисленные инциденты, связанные с солдатами, способствовали решительным действиям со стороны военных и гражданских властей Воронежа. Было проведено разделение солдат на две категории – благонадежных и неблагонадежных, первых предполагалось использовать как опору властей в гарнизоне, вторых – по возможности изолировать. Из числа первых руководители гарнизона вскоре создали специальную команду пулеметчиков «для предотвращения попыток к контрреволюционным беспорядкам» [Воронежский телеграф..., № 149].

В то же время на состоявшемся 5 июля 1917 г. объединенном заседании исполнительного комитета Совета с представителями полковых комитетов было решено «выделить из рот

и команд преступный элемент», а кроме того, «бывших полицейских» и «отправить их на фронт с первыми отправляющимися ротами и командами» [Выписка из протокола..., Д. 3208-21.]. Согласно хронике Б.М. Лавыгина, 28 (15) июля 1917 г. 58 пехотный полк был в полном составе отправлен в зону активных боевых действий. Часть солдат 59 полка также отправилась на фронт, а из оставшихся в Воронеже бойцов вскоре была создана новая структура – 5 пулеметный полк. Известно, что воевать отправилась основная часть воронежских большевиков-солдат, а также дезертиры 58 полка, задержанные в начале июля в городе [Воронежский телеграф..., № 145]. По подсчетам Л.Г. Протасова, за июль 1917 г. Воронеж потерял свыше 15 тысяч солдат – больше, чем любой другой гарнизон Центральной России [Протасов, 1978, с. 106], из них – более двухсот большевиков [Протасов, 1978, с. 114]. Обратим внимание на то, сколь незначительным было число членов РСДРП(б) среди всех обитателей казарм, отправленных на фронт. Очевидно, это связано с тем, что членов большевистской партии в Воронежском гарнизоне было совсем немного.

В связи с этим следует поставить под сомнение расхожий тезис советской историографии, согласно которому основной причиной обострения солдатского вопроса в Воронеже в июле 1917 г. было влияние большевиков. Нужно отвергнуть и идею о том, что решение перебросить на фронт значительную часть солдат было принято воронежскими военными и гражданскими властями скоропалительно, под влиянием революционной динамики. В действительности переброска 58 полка ближе к зоне боевых действий планировалась заранее и должна была пройти 10 июля, однако впоследствии перенесена на пять дней [Воронежский телеграф..., № 148]. Процесс же превращения 59 полка в пулеметный был длительным, а случившееся в середине июля переименование закрепило уже давно проявлявшуюся тенденцию [Воронежский телеграф..., № 150].

В июле 1917 г. городские власти предприняли серьезные меры для поимки дезертиров. Руководитель Воронежского гарнизона полковник В.М. Языков был наделен чрезвычайными полномочиями [Заяц, 2017, с. 202]. Единственной политической силой, выступившей против принятия этих мер, были большевики. «Воронежский телеграф» сообщал, что солдат-большевик Грачев (очевидно, это ошибка автора заметки, и речь шла об И.А. Врачеве) произнес речь, «в которой протестовал против всяких агрессивных действий в отношении к дезертирам, покинувшим фронт и бесчинствующим в тылу и даже призывал устроить им чуть ли не торжественную встречу» [Воронежский телеграф..., № 153]. Однако протесты большевиков не возымели действия.

Полковник Языков принялся энергично наводить порядок. 15 июля 1917 г. от 59 пехотного полка на станцию Бахмач Полтавской губернии была направлена пулеметная команда для заслона дезертирам, едущим с фронта. На следующий день особые полковые команды произвели ночную облаву на дезертиров в общественных местах Воронежа [Воронежский телеграф..., № 153]. Подобные акции проводились и впоследствии [Воронежский телеграф..., № 162].

Для наведения порядка в Воронежском гарнизоне полковник В.М. Языков считал необходимым оградить солдат от социалистической пропаганды. Поэтому, по некоторым сведениям, он запретил в казармах хождение на только большевистских [Воронежский телеграф..., № 153], но даже и эсеровских газет.

Предпринятые военными властями Воронежа крутые меры помогли на некоторое время стабилизировать обстановку. В то же время руководители гарнизона не смогли решить коренных вопросов, беспокоивших солдат. Как и прежде, обитатели казарм не хотели идти на фронт. Об этом свидетельствует инцидент, произошедший в конце июля в 61 госпитале, расквартированном в Воронеже, где солдат Косинин, признанный годным к отправке в зону боевых действий, подговорил своих товарищей (около 70 человек) к избиванию старшего врача Холодковского [Воронежский телеграф..., № 164].

Как и ранее, перед воронежскими властями остро стояла проблема недисциплинированного поведения солдат. Любопытным является воззвание, которое солдатский комитет

караульно-рабочей команды направил другим солдатам 5 пулеметного полка 27 июля 1917 г. Авторы воззвания утверждали, что атмосфера в гарнизоне оказалась отравлена «ложными представлениями о гражданских свободах». По их словам, солдаты в массе своей оказались не в состоянии отличить гражданские свободы от «свободы разнузданности». Отмечалось «непристойное поведение некоторых солдат при отлучках в город, самый внешний вид отлучающихся, их небрежный костюм и произвольные уклонения от установленной нормы» [Воронежский телеграф..., № 160]. Об остроте этого вопроса свидетельствует и распоряжение командования гарнизона, появившиеся в начале августа, согласно которому солдаты, отлучаясь в город, должны иметь «приличный вид» и вести себя «достойно звания свободных граждан» [Воронежский телеграф..., № 169].

На рубеже июля и августа 1917 г. оставалась актуальной проблема криминала в солдатской среде. Известно, что солдаты Воронежского гарнизона занимались перепродажей казенного имущества и предметов обмундирования, в связи с чем воронежскими властями периодически проводились облавы [Воронежский телеграф..., № 175]. Кроме того, есть сведения, что после закрытия на Воронежском ипподроме официального тотализатора солдаты принимали участие в работе появившейся тогда подпольной «тотошки» [Воронежский телеграф..., № 172].

Несмотря на все предпринятые меры, нерешенной оставалась и проблема дезертиров. Как и прежде, они промышляли грабежами и разбоем: например, в начале августа 1917 г. группировка под руководством дезертира Клестова ограбила крестьянина Перцова, приехавшего в Воронеж для участия во II губернском крестьянском съезде [Воронежский телеграф..., № 169].

Меры, предпринятые военными властями с целью оградить солдат от большевистской пропаганды, поначалу оказались эффективными. Влияние большевиков резко снизилось. И.Ф. Бакулин, солдат-большевик, прибывший в Воронеж в конце июля, застал в гарнизоне «далеко не радостное» для своей партии положение – «среди пяти-шести тысяч солдат большевиков насчитывалось всего несколько человек», в то время как ему «рассказывали, что еще недавно большевиков было много, но их отправили на фронт». В полковом комитете, по словам Бакулина, почти безраздельно господствовали «эсеры или их приспешники» [Воспоминания И.Ф. Бакулина..., Д. 605. Л. 4]. Об этом свидетельствуют и данные, приведенные исследователем Е.А. Зверковым, согласно которым на заседании секции, прошедшем 26 июля, присутствовало 5 большевиков и 14 эсеров; а 2 августа – всего 1 большевик и 10 эсеров [Зверков, 2018, с. 151].

Солдатские бунты, происходившие в Воронеже на рубеже июля и августа 1917 г., очевидно, никак не были связаны с деятельностью РСДРП(б). Известно, что волнения произошли 3 августа 1917 г. в 682 ополченской дружине. Они были вызваны отказом руководителей гарнизона отпустить солдат в их родные села на молотьбу. Описывая этот инцидент, газета «Воронежский телеграф» утверждала, что беспорядки были спровоцированы некой «темной агитацией», не конкретизируя, от какой политической силы она исходила [Воронежский телеграф..., № 168].

Политическая ситуация в гарнизоне резко переменялась после 11 августа 1917 г. [Путь жизни..., № 5]. Причиной этого было прибытие в Воронеж 8 маршевых рот из Сибири, пополнивших ряды 5-го пулеметного полка. Согласно сведениям из монографии И.Г. Воронкова, тогда в город приехало около 2 тысяч человек [Воронков, 1952, с. 94]. Появление этих людей способствовало значительному усилению позиций большевиков.

Информация, изложенная в воспоминаниях и в хронике революционных событий Лавыгина, подтверждается и данными газеты «Воронежский телеграф». Анонимный автор заметки был вынужден констатировать, что в Воронежском гарнизоне с середины августа «под влиянием опытных большевистских ораторов замечается большой сдвиг в сторону большевизма» [Воронежский телеграф..., № 183].

Прибывшие солдаты сразу включились в общественно-политическую жизнь города. Уже их первое появление на улицах города произвело яркое впечатление на единомышленников. Н.Н. Рабичев вспоминал: «Как-то, в начале августа, идя по улице, мы с тов. Люблиным увидели большую колонну солдат, шедшую с вокзала в казармы. По-видимому, это было только что прибывшее пополнение. Солдаты пели революционные песни. Впереди колонны несли огромный плакат с надписью: «Мир хижинам, война дворцам!» [Рабичев, 1957, с. 34].

В середине августа 1917 г. солдаты Воронежского гарнизона начали активно себя проявлять в работе солдатской секции Совета. Они посещали устроенные секцией лекции, посвященные текущей политической повестке, и проявляли отчетливые антибуржуазные настроения. Так, один из наиболее популярных вопросов, адресованных лекторам, был связан с тем, почему Временное правительство не проводит для капиталистов обязательных отчислений в казну от их капиталов [Воронежский телеграф..., № 176].

22 августа при большом скоплении людей (3 000 человек [Лавыгин, 1928, с. 94]) в слободе Чижевке, где дислоцировался 5-й пулеметный полк, состоялся первый митинг с участием новоприбывших солдат. Н.Н. Рабичев вспоминал о том, что он продолжался около шести часов, несмотря на проливной дождь, и прошел триумфально для большевиков: левому эсеру Е.Ф. Муравьеву пулеметчики даже не дали слова – у них «не было ни малейшего желания делиться успехом этого митинга с левыми эсерами» [Рабичев, 1934, с. 41].

Ситуация, как свидетельствуют данные воспоминаний, повторялась и на последующих митингах в казармах полка. Несомненно, основной причиной популярности большевиков в этой среде была их антивоенная позиция, о чем писал бывший солдат 5 пулеметного В.Н. Зорин: «На митингах выступали ораторы от нескольких партий, и некоторые выступали за продолжение войны до победы над Германией. Таких ораторов выгоняли с трибуны ..., а как выступит наш пулеметчик, скажет, что войну надо кончать, разъезжаться по домам и добивать буржуев, отбирать земли от помещиков, от фабрикантов заводы, и все кричали правильно» [Воспоминания В.Н. Зорина..., Д. 81. Л. 1]. Зорину вторил и другой мемуарист, С.Н. Ступников, утверждавший, что с августа 1917 г. «полк почти весь, за исключением офицеров и незначительной группы эсеров и меньшевиков, был большевистским» [Воспоминания С.Н. Ступникова..., Д. 764. Л. 1].

Заключение

Солдаты Воронежского гарнизона ярко проявляли себя весной и летом 1917 г. Их социальное поведение на протяжении всего этого времени было взрывоопасным. Политические настроения солдатской массы серьезно менялись. Поначалу солдаты были лояльны Временному правительству, однако уже с апреля в их среде все более популярными становились антивоенные настроения. Особенно это проявилось в июне 1917 г. в преддверии большого наступления российской армии. Изменения политических настроений солдат способствовали росту влияния большевистской партии. Несмотря на то, что влияние РСДРП(б) в первой половине лета 1917 г. далеко еще не было преобладающим, руководители Воронежского гарнизона восприняли большевистскую пропаганду как серьезную угрозу и запретили распространение в войсках газет и листовок, издаваемых большевиками, а затем отправили на фронт наиболее активных смутьянов. Это позволило на некоторое время снизить популярность радикальных идей. Однако продолжалось это недолго – в августе 1917 г., после прибытия в Воронеж маршевых рот из Сибири, солдаты в своей массе склонились на сторону большевизма. Это в значительной степени предопределило дальнейший успех РСДРП(б). Переход власти к альянсу большевиков и левых эсеров, случившийся в Воронеже 30 октября (12 ноября) 1917 г., был в основном совершен руками солдат.

Список источников

- Воронежский телеграф. 1917. 7 марта. № 52.
Воронежский телеграф. 1917. 9 марта. № 54.
Воронежский телеграф. 1917. 16 марта. № 60.
Воронежский телеграф. 1917. 20 марта. № 63.
Воронежский телеграф. 1917. 2 апреля. № 71.
Воронежский телеграф. 1917. 2 мая. № 93.
Воронежский телеграф. 1917. 6 мая. № 97.
Воронежский телеграф. 1917. 12 мая. № 101.
Воронежский телеграф. 1917. 8 июня. № 120.
Воронежский телеграф. 1917. 11 июня. № 123.
Воронежский телеграф. 1917. 15 июня. № 126.
Воронежский телеграф. 1917. 6 июля. № 143.
Воронежский телеграф. 1917. 7 июля. № 144.
Воронежский телеграф. 1917. 8 июля. № 145.
Воронежский телеграф. 1917. 11 июля. № 147.
Воронежский телеграф. 1917. 12 июля. № 148.
Воронежский телеграф. 1917. 13 июля. № 149.
Воронежский телеграф. 1917. 14 июля. № 150.
Воронежский телеграф. 1917. 18 июля. № 153.
Воронежский телеграф. 1917. 27 июля. № 160.
Воронежский телеграф. 1917. 29 июля. № 162.
Воронежский телеграф. 1917. 1 августа. № 164.
Воронежский телеграф. 1917. 5 августа. № 168.
Воронежский телеграф. 1917. 6 августа. № 169.
Воронежский телеграф. 1917. 11 августа. № 172.
Воронежский телеграф. 1917. 14 августа. № 175.
Воронежский телеграф. 1917. 17 августа. № 176.
Воронежский телеграф. 1917. 25 августа. № 183.
Воспоминания Ивана Михайловича Жмыхова. Архив ВОКМ. Д. 607.
Воспоминания Ивана Федоровича Бакулина. Архив ВОКМ. Д. 605.
Воспоминания Василия Николаевича Зорина. Архив ВОКМ. Д. 81.
Воспоминания Степана Николаевича Ступникова. Архив ВОКМ. Д. 764.
Выписка из протокола объединенного заседания исполкомов городского Совета и начальствующих лиц с представителями полковых комитетов от 5 июля 1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-21.
Листовка Исполнительного Комитета Воронежского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. 6 марта 1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-1.
Постановление Воронежского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-23.
Путь жизни. 1917. 15 сентября. № 5.
Сводный бюллетень № 40 Исполнительного Комитета Общественного спокойствия в городе Воронеже. 19–21.04.1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3204-41.
Сводный бюллетень № 43 Исполнительного Комитета Общественного спокойствия в городе Воронеже. 03.05-06.05.1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3204-45.

Список литературы

- Воронков И.Г. 1952. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, Воронеж. обл. книгоизд-во, 196.
Лавыгин Б.М. 1928. 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж [Истпартотд. Воронежск. губкома ВКП(б)], 178.
Заяц Н.А. 2017. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 404.

- Зверков Е.А. 2018. Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 году. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 294.
- Моциэнк В.Э. 2010. Революционные события в Воронеже (октябрь-декабрь 1917 г.). Берегиня. 777. Сова. 5 (7): 40–49.
- Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Под. общ. редакцией И.П. Тарадина. Воронеж, Ворон. Коммуна, б. г. 95.
- Протасов Л.Г. 1978. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 191.
- Рабичев Н.Н. 1934. Октябрьские дни в Воронеже. Воронеж, Коммуна, 76.
- Рабичев Н.Н. 1957. Октябрьские дни в Воронеже. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах. Под. ред. И.Г. Воронкова и Т.М. Севастьяновой. Воронеж, Кн. изд-во: 31–44.

References

- Voronkov I.G. 1952. Voronezhskije bol'sheviki v bor'be za pobedu Oktyabr'skoj sotsialisticheskoy revoljutsii [Voronezh Bolsheviks in the struggle for the victory of the October Socialist Revolution]. Voronezh, Voronezh. obl. knigoizd-vo, 196.
- Lavygin B.M. 1928. 1917-j god v Voronezhskoj gubernii (Khronika) [1917 in Voronezh Province (Chronicle)]. Voronezh [Istpartotd. Voronezhsk. gubkoma VKP(b)], 178.
- Zayats N.A. 2017. Krizis gosudarstvennogo upravlenija i organizatsija novykh vlastnykh struktur Voronezhskoj gubernii v 1914–1918 gg. [Crisis of state administration and organization of new power structures in Voronezh Province in 1914–1918]. Dissertation of the Candidate of History. Voronezh, 404.
- Zverkov E.A. 2017. Obshchestvennoje dvizhenije v Voronezhskoj gubernii v 1917 godu [Social movement in Voronezh Province in 1917]. Dissertation of the Candidate of History. Voronezh, 294.
- Motsienok V.E. 2010. Revoljutsionnyje sobytija v Voronezhe (oktuabr'-dekabr' 1917 g.) [Revolutionary events in Voronezh (October-December 1917)]. Bereginya. 777. Sova. 5 (7): 40–49.
- Oktyabr'skaya revoljutsija i grazhdanskaja vojna v Voronezhskoj gubernii [The October Revolution and the Civil War in Voronezh Province]. Edited by I.P. Taradin. Voronezh, no year. Voron. Kommuna, 95.
- Protasov L.G. 1978. Soldaty garnizonov Tsentral'noj Rossii v bor'be za vlast' Sovetov [Soldiers of Central Russia's Garrisons in the Struggle for Soviet Power]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 191.
- Rabichev N.N. 1934. Oktyabr'skije dni v Voronezhe [October Days in Voronezh]. Voronezh, Kommuna, 76.
- Rabichev N.N. 1957. Oktyabr'skije dni v Voronezhe // Za vlast' Sovietov. Sbornik vospominanij uchastnikov revoljutsionnykh sobytij v Voronezhskoj gubernii v 1917–1918 godakh [October Days in Voronezh. For the power of the Soviets. Collection of memoirs of participants of revolutionary events in Voronezh Province in 1917–1918]. Edited by I.G. Voronkov and T.M. Sevastianova. Voronezh, Kn. izd-vo: 31–44.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.05.2023

Received 30.05.2023

Поступила после рецензирования 22.08.2023

Revised 22.08.2023

Принята к публикации 22.08.2023

Accepted 22.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Назаренко Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Воронежский областной краеведческий музей, г. Воронеж, Россия

Yevgenii Yu. Nazarenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Voronezh Regional Museum of Local Lore, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0009-0002-3994-3412](https://orcid.org/0009-0002-3994-3412)